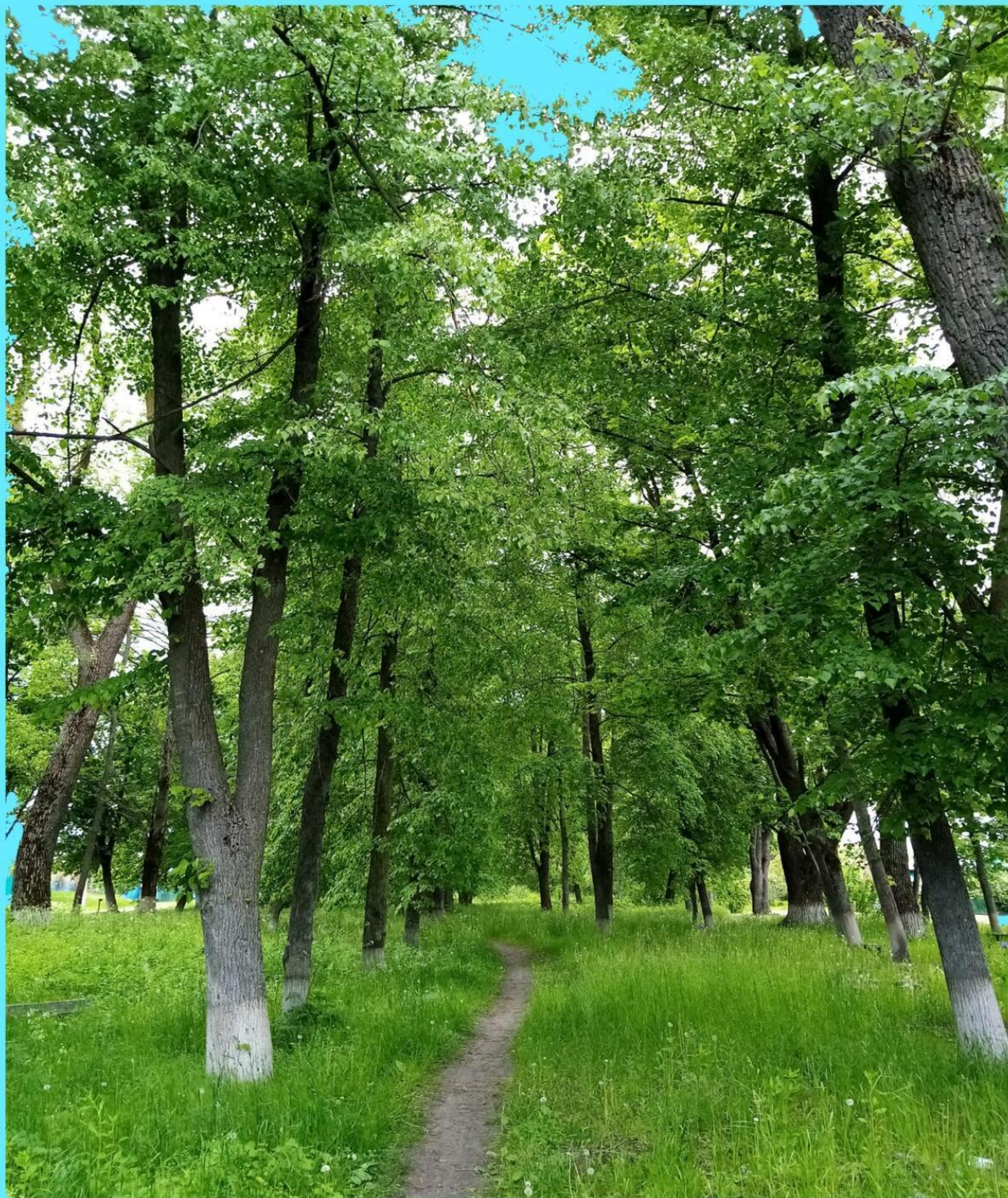

ПЕТР СОСНОВСКИЙ

В ТЕНИ АЛЛЕЙ

18+

Петр СОСНОВСКИЙ

В тени аллей

«Автор»

2024

Сосновский П.

В тени аллея / П. Сосновский — «Автор», 2024

Желание написать об отце — солдате Великой отечественной войны, закончившем ее в Праге, участнике борьбы с бандформированиями на Украине в городе Львове, у меня зрело давно. Однако все как-то не получалось. Не было в голове нужных мыслей, чтобы зацепиться и сесть за компьютер. Они бы и не появились, если бы однажды мать, незадолго перед своей кончиной, не поведала мне об одном довольно неприятном факте из его жизни. Отец, находясь на смертном одре, пожаловался ей о своем грехе и просил у Бога прощения за то, что он не смог спасти своего боевого товарища от гибели. Тот был подло расстрелян бандеровцами в тени аллея старинного львовского парка. Рассказ матери подтолкнул меня к серьезным размышлениям и заставил вспомнить о детстве, юности, о своей взрослой жизни. Я не стал долго тянуть, лишь только в голове начал складываться сюжет, тут же приступил к работе. На обложке фото, сделанное автором книги.

© Сосновский П., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Петр Сосновский

В тени аллея

Предисловие

Мое повествование из-за недостатка информации не может быть на сто процентов документальным. В нем много художественных вымыслов. Однако, не это главное, я попытался, как мог, рассказать о москалях потомках — старообрядцев, когда-то участвовавших в ополчении Петра первого в Полтавской битве, хохлах — добрых малых, и о «мазепках», которых не любили не только москали, но и сами хохлы. Хорошо у меня получилось, плохо, судить вам, моим читателям.

Глава 1

В Щурове через всю центральную улицу, называемую Большой, раскинулся с чередой красивых прудов, старинный парк. В настоящее время он находится в крайнем запустении, никому до него нет дела: ни сельской администрации, ни самим жителям, ни даже школьникам. А ведь раньше ученики по многу часов работали над его благоустройством. Тем не менее, парк все еще неплох собой. Я, бывая в летнее время на малой родине, люблю пройтись в тени его аллея и посмотреть на неподдающиеся описанию пейзажи. Однако у меня отчего-то на лице всегда ощущается некоторый холодок, наверное, это оттого, что кроны деревьев затевают солнце, каким бы оно не было ярким.

Я знаю, не каждое село может похвастаться своим парком. А вот Щурово может. Правда, оно ведь раньше селом никогда и не было, слободой, посадом, — да, даже городом. У него был свой герб. Представьте себе десять, а то и более улиц, сотни дворов и в каждом из них не то, что сейчас — ребятни о-го-го сколько? Да у моего одного деда Ивана Павловича насчитывалось в доме аж двенадцать девок и парней. У отца тоже детей хватало... — Ну да ладно. Не о том речь. В Щурове народа было много. Ну, что тех огурцов на грядках. А их в посадке всегда выращивать умели, вам любой в округе о том не преминет, скажет. Не поверите, но есть в нем среди огородников такие, которые для хорошего урожая и вкуса не только воду используют, — но и поливают гряды молоком. Наверное, оттого огурцы, несмотря на естественную скудность земли, плохую погоду даже у самой нерадивой хозяйки вырастают в обилии и сладкие пре сладкие. Пальчики оближешь.

О благополучии и процветании этого поселения можно судить хотя бы потому, сколько в нем проживало евреев. Этот показатель верен. Здесь не может быть никакого обмана. Мать мне говорила, что их в Щурове было более тысячи человек. Они даже имели свой молельный дом — синагогу. Она стояла на Большой улице, напротив парка в центре посада в одном ряду с сапожными мастерскими, на том самом месте, где сейчас стоит дом моего бывшего учителя по пению.

Жида, их у нас тогда все отчего-то только так и называли, очень усердно молились непонятному нам старообрядцам Богу. Они вымаливали у него царствие небесное. И не зря. Во время войны, те евреи, которые не успели убежать из Щурово, попали под пули фашистов, их расстреляли в одном из Цегельников. Я видел в детстве на их братской могиле большую черную гранитную плиту со странной звездой.

Что я еще хочу сказать: долгое время у меня о парке не было никакого представления, так как жил с семьей на отшибе Щурово — на Сибировке. Лишь после того, когда мне исполнилось семь лет и я был отправлен в школу он стал частью моей повседневной жизни.

Мне памятен мой первый учебный день. Отправить ребенка в послевоенное время в школу было ох, как тяжело. Многого тогда в стране не хватало и не только затертых грязных бумажек — денег. Дефицит был во всем. Вещи мы тогда не выбрасывали, что можно чинили или же, затащив на чердак, оставляли их на потом: могли в будущем пригодиться.

До последнего дня родители не могли обеспечить меня обычным портфелем. Я уже нервничал, не находил себе места, ждал чуда, и оно свершилось: в тот момент, когда мне рано утром нужно было выходить из дома, отец его откуда-то притащил. Он был пастухом и добыл у своего хорошего знакомого, когда собирал по улицам коров. Добравшись до Сибировки, и прежде, чем выгнать стадо на пастбище в Щуров Лог, отец забежал домой:

— На, держи сынок, для пятерок, что надо! Лучшего не найти! — и тут же вручил прямо на пороге.

Портфель был светло-коричневого цвета, имел два замка, слегка поношен, но хорош собой, так как для его изготовления пошел добротный материал. Отец знал толк в кожах, порой

сам их выделявал. Кто-то из взрослых, когда я взял портфель в руку и довольный неторопливо вышел за калитку, то ли старый подпасок отца Красанович, то ли проходивший мимо на работу в больницу конюх Сергей Буравец, случайно оказавшийся рядом, не удержался, похлопав меня по плечу, тут же выдал:

– Этот мальчик далеко пойдет. Я думаю, станет большим начальником, — на миг задумался и тут же продолжил: — председателем будет, непременно председателем! Правильно, я говорю Сеня? — я утвердительно покивал головой. А что мне было делать: взрослый человек говорит.

Однако, он не угадал, — ошибся. Я председателем не стал, я стал писателем, хотя после института окончил аспирантуру, защитил кандидатскую и долгое время проработал в науке. Отец мне говорил, что в детстве читал, взятую из библиотеки книгу, какого-то нашего родственника. Наверное, я пошел по его стопам. Начал со стихов и уж, затем переключился на прозу.

Так вот в то далекое время нам детям филонить нельзя было, да и трудно. Мы у взрослых были на глазах. Никакой там вам «удаленки» — дистанционного обучения как сейчас. Оценки нам проставляли в тетради, в дневники, а еще в табель, выдававшийся по окончанию учебного года. Их нужно было заслужить, а потом принести домой и отчитаться.

Я, однажды, отправившись в первый класс начальной школы, так называемой «маленькой», был вынужден четыре года изо дня в день кроме выходных — воскресений, каникул и дней по болезни, выходить рано утром из дома.

Мой путь был не короток, он пролегал вначале по своей улице — Сибировке, до угла, затем я сворачивал на Стрижеевку и шел по ней до следующего угла, поворачивал налево на Большую улицу, далее до школы было рукой подать.

Идти в школу мне приходилось с оглядкой: тогда во дворах было много собак, в любой момент из-подворотни могла выскочить злая дворняга и тяпнуть за ногу или же, как не странно забияка петух. Однажды, мы ребята знали такого. Он часто сопровождал нас по улице, пытаясь зайти сзади и клонуть.

Маленькая школа находилась на другой стороне Большой улицы. Для этого мне необходимо было добраться до аптеки, затем поравнявшись с одним из прудов, перейти через парк.

Учебное заведение работало в обычном просторном доме. Отличалось здание лишь тем, что имело в классах для отопления зимой несколько печей непохожих на русские, интересной формы. Они были цилиндрические, оббитые листовым железом, выкрашенным в черный цвет. Топили эти печи, глядя на ночь, задолго до прихода в здание учеников.

Окна школы смотрели на парк. Я, отправляясь, после уроков домой, любил в нем задерживаться. Да и не только я один.

Мне запомнился день, когда мы ребята из всех классов вместе с учителями работали в парке на субботнике: сгребали листья, собирали упавшие ветви, а затем под веселые крики все это жгли на костре.

У нас, со слов взрослых, у каждого мальчишки имелось в особом месте шило. Не в силах спокойно стоять мы носились друг за другом среди больших, что те баобабы верб, высоких столетних лип, берез и кленов, играя в салки, или же в жмурки, довольно ловко, прячась в кустах низкорослой стриженной, как и мы, дети, желтой акации. Выйти незамеченным за пределы парка нам было нельзя, так как он тогда был огорожен высоким двухметровым забором из штакетника, — только лишь через калитку, а она находилась под наблюдением старшей учительницы.

У меня немного осталось в голове от той поры, особо запомнился один неприятный инцидент: тогда я заканчивал «маленькую школу» — ходил в четвертый класс. Однажды, это было глубокой осенью, едва на пруду встал лед, мы мальчишки на большой перемене принялись «гнуть люлю». Была у нас такая забава. Для этого нужно, обхватив друг друга руками за плечи,

медленно наступая на тонкий лед и раскачивая его следовать с одного берега на противоположный, постепенно ускоряя движение. И все ничего: наши проказы сходили нам с рук, но в один из дней лед не выдержал. Провалился ученик. Ох и здорово нам тогда всем попало от учительницы, хотя этого незадачливого мальчика, из образовавшегося под ногами пролома, мы сами же и вытащили. Но после этого случая, ходить ученикам на озеро, было строжайше запрещено. Правда, после уроков мы были свободны в своих желаниях и могли делать что угодно. Однако «гнуть люлю» нам отчего-то уже не хотелось, наверное, пропал кайф.

Окончив «Маленькую школу», я прямиком отправился в «Большую». Она на тот момент из бывшего большого купеческого дома, находящегося в центре посада была переведена в здание казармы. Небольшое войско, которое стояло вплоть до пятидесятых годов двадцатого века в Щурово, из-за потери селением статуса административного центра расформировали, а здание отдали в распоряжение учеников. В нем не пришлось ничего менять, лишь слегка подновили: для чего побелили потолки, стены, а еще покрасили обтершиеся полы, окна и двери. Затем в опустевшие спальные помещения для солдат затащили парты, на дверях вывесили таблички с названиями классов. Этот переезд школы с одного здания в другое был связан с организацией в Щурово среднего образования. Данное мероприятие требовало большего количества классов. Размеры казармы позволяли эту проблему как-то решить. Правда, частично. Закрывать маленькую школу на тот момент так и не удалось. Она еще много лет была необходима и использовалась до последнего, пока для учеников не было построено новое большое двухэтажное здание.

Казарма эта стояла недалеко от Сибировки и поэтому у меня отпала необходимость ходить в центр села. Правда, теперь я был вдалеке от понравившегося мне парка и не мог, как раньше прогуливаться с ребятами в тени больших деревьев. Однако унывать не приходилось. Я нашел замену парку: стал больше времени отдавать своей улице, едва дождавшись окончания занятий и, прибежав со школы, устремлялся через дорогу, у нас под окнами был свой пруд, где мы дети купались, а еще заросший кустарником и деревьями Щуров лог. На пригорке стоял небольшой садик из старых яблонь и груш, полуразвалившийся фундамент, оставшийся от некогда большого красивого дома, в прошлом одного из зажиточных купцов посада Щурово. Одним словом — раздолье. Туда не только одни мы бегали — ребята с Сибировки, но и с других прилежащих улиц.

Добираться до Большой школы, — назвали ее так неслучайно, — соответствовала своими размерами: метров сто в длину, — хотя она находилась намного ближе «маленькой», — было нелегко, особенно весной в распутицу. Здание стояло, можно сказать, на огороде. Я, да и другие ребята с нашего края улицы шли прямо, не сворачивая на Стрижеевку, миновав с десяток домов, брали резко направо и через тропинку наискосок пересекали поле. На нем всегда что-то сеялось и оттого оно из года в год запахивалось. А значит, нам нужно было все время торить через него тропинку — стежку. После, когда сделали перекресток и образовали новую улицу — Школьную, вытаптываемая годами стежка все равно не зарастала: мы ее еще долго использовали, срезая путь. Повзрослев, я, например, забыв учебник или же тетрадь, мог на большой школьной перемене сорваться и сбегать домой. Мне хватало времени обернуться туда и назад до звонка.

Что еще? Для того чтобы приблизить большую школу к улице Сибировке, в центре посада разобрали деревянную старообрядческую церковь семнадцатого века и из ее материала, видоизменив архитектуру, — выбросив колокольню, — поставили рядом с бывшей казармой большое странное здание. Оно не стало угловым, однако повлияло на общий вид улицы, а также решило проблему досуга школьников. В нем в зимние морозные дни, мы — ребята занимались физкультурой. Во время красных дат мне в нем приходилось часто петь вместе с одноклассниками под черный блестящий тульский баян нашего учителя пения на всевозможных концертах. Наши патриотические мелодии, да и сами голоса, очень разительно отличались от

оточенных голосов староверов-прихожан, вынужденных однажды покинуть стены известной на всю округу старинной церкви и перебраться в дом бабы Паши, жившей у нас по соседству на Сибировке. Я не раз заходил их послушать.

Дополнительно — напротив большой школы выстроили жилье для учителей, затем проложили от Сибировки к Большой улице через яблоневый сад дорогу и вдоль нее поставили еще дома, правда, не сразу, один для директора совхоза, такой же для главного бухгалтера и других нужных людей. Не забыли и про народ — несколько двухэтажных зданий воздвигли и для него. Сейчас они пустуют, некому в них жить: люди уехали в Москву.

Для выхода, этой вновь организованной улицы, названной Школьной, в центр посада к книжному и большому магазинам нужно было убрать два дома. Однако в одном из них жила семья известного человека его оставили, а вот мешавший каменный двухэтажный дом, первый этаж которого использовался под магазин: внизу торговали рыболовным снаряжением, а верхний, возможно, под склады, — развалили. Хотели заодно развалить и «Чайную», где мужики любили выпить чего покрепче, так как было еще одно подобное заведение «Голубой Дунай», но отчего-то на время, до строительства нового Дворца Культуры, оставили. Что обидно: любителям посидеть у пруда или же у речки с удочкой после этих преобразований пришлось туго. Для приобретения лесок, поплавков, крючков и грузил им необходимо было обращаться к корявочникам. Были такие люди, они ездили на бричках с коробом и собирали изношенные до дыр шерстяные и хлопчатобумажные изделия — тряпки, кости домашних животных, шкуры и цветные металлы в обмен на деньги и дефицитные товары, при этом изрядно дурили народ. Одним из них был и мой дядька Марк. Его жена — тетка Мотя часто щеголяла в красивых платьях, перед тем как они были дядькой Марком проданы. Я его обходил стороной. Мне намного выгоднее было ходить за снастями к чужому корявочнику на Новую улицу и стучаться в пятый дом от угла.

Я, в Большой школе учился с пятого по десятый класс, мои братья: Александр и Федор тоже, а вот наша сестра Анна десятилетку заканчивала уже в новой — двухэтажной. Ее поставили на месте старинного кладбища на то время народом неиспользуемого — заброшенного.

У меня не было особой необходимости бывать в центре села: все нужное для обучения мне покупали родители, однако так было не всегда. Наступил момент, и я сам стал заботиться о себе. Для этого мне давали небольшие деньги. Их было достаточно для того, чтобы приобрести несколько тетрадей, перышки, ручку, чернила, карандаши. . . . А еще у матери часто болела голова, — я так думаю, — от нас четверых детей, не зря же она порой говорила: «Ну вот, опять вы мне задурили голову» — и отправляла старшего, то есть меня в аптеку за пиримидином. Я знал, где находится аптека и перся на Большую улицу, купив нужные таблетки, а себе гематогена или же витамина, — между-прочем на свои деньги, добытые от сдачи пустых бутылок в магазины или же всяких там ненужных вещей корявочникам, — отправлялся дальше, миновав с десятков домов, шел вдоль мастерских. В них работала артель по пошиву обуви имени Чкалова, а в ней мой дядька Максим. Одно время: до войны, учеником у него трудился и мой отец. Мне было любопытно заглядывать в маленькие окошки и слышать шум швейных машин. Я будто бы заглядывал в прошлое.

Добравшись до центра — места, где Школьная улица сливалась с дорогой, разделявшей парк, я мог, повернуть налево в сторону Большой школы и затем — домой. Однако торопиться мне было не к чему: нечасто бывал в центре, поэтому я отрывался по полной: заходил в книжный магазин, — мы его отчего-то называли «кагизом», — и в большой продуктовый. У нас в Щурове в обиходе часто использовались слова: «большой» и «новый», Меня тянуло, например, забраться на Новую улицу, побывать в новом магазине, его поставили на месте снесенной деревянной церкви, он был интересен и привлекал своим товаром. Я мог в нем купить брикет прессованного фруктового чая или же сухой концентрат напитка какао и по дороге все это

съесть. А еще я торопился заглянуть в афишу. Она сообщала о концентрах, небольших театральных постановках, танцах и, конечно же, о фильмах.

Я любил кино. Правда, детских лент тогда было мало. Крутили их раз-два в месяц и оттого мои походы в Дом культуры случались нечасто. Что мне запомнилось с тех времен? Постановка кукольного театра: «Три поросенка», концерт Брянской филармонии, выступление жонглеров из областного цирка, а еще силача, удивившего весь зал. Он, вовремя своего выступления, обратившись к зрителям и вытащив на сцену старого Ефима Гарлея уложив его на ковре, принялся над ним подбрасывать и ловить двухпудовые гири. Того тут же, как ветром сдуло. Народ, — в основном ребятня, — от увиденного зрелища долго не мог успокоиться и пребывал в восторге. Не зря же многие после этого стали заниматься поднятием тяжестей, например, мой брат Александр.

Дом культуры находился в бывшем здании ратуши. Одно время в нем размещалась пожарная часть и возвышалась каланча: раньше в Щурово очень часто случались пожары: горели дома, всевозможные хозяйственные постройки, люди, скот. Хотя прошло много лет я с содроганием вспоминаю разговоры старших о сгоревших детях.

Однажды, наши родители ушли на ярмарку, а нас оставили под замком, мы в ожидании их занимались, чем попало. Я, например, рассматривал проезжавшие мимо подводы и неожиданно заметил густой дым на дальней улице Деменке в крайнем доме, просматриваемом из нашего окна. Я метался не в силах что-либо сделать. Тогда в домах не было телефонов и в огне погибли: мальчик и девочка.

Здание ратуши не сразу стало Домом культуры, в годы войны в нем располагалась немецкая комендатура. Для устрашения жителей на огромных, что те баобабы вербах, росших по обе стороны у входа, — их после спилили, — висели прибитые гвоздями партизаны. Их тени и сейчас нет-нет и проглядываются в темноте на каменных стенах. А порой они, что те приведения ходят по старинному парку, пугая нехороших людей. Тем не менее, несмотря на все эти страшилки, я любил ходить в бывшее здание ратуши, служившее каланчой, но не немецкой комендатурой. Мне нравилось, забираясь в кинозал, восторженно лупить глаза на белое полотно. Я ждал чуда. Даже когда неожиданно гас свет, я чувствовал себя значительно лучше, чем где-либо. Наверное, это оттого, что бояться пожара, в таком здании было нечего, а еще я был начеку и в любой момент мог выскочить на улицу. Для этого было два выхода: центральный и пожарный или как мы называли — черный. Он вел прямо в парк. Я с удовольствием пользовался вторым выходом. Правда, весной он часто находился на замке. Вдоль глухой стены здания по парку текла вода, перебраться через нее, было попросту нереально, даже в резиновых сапогах. Народ, а в зал его порой набивалось с лихвой, в зависимости от фильма, шумел и давился у двери. Я, сойдя со ступенек, а точнее скатившись, проходил вдоль забора из штaketника, двух магазинов: канцелярского и кукольного, — их уже нет, — после чего, одолев с правой стороны небольшой мостик через который эта самая вода с одного пруда с рокотом перетекала в другой, перебежав через дорогу «нырял» на Школьную улицу. Догнав своих ребят, я присоединялся к ним и шел домой. По дороге мы любили поболтать о том, какие наши красноармейцы молодцы и как они здорово напододали фашистам. В то время фильмы были о только что успешно законченной войне. Она зацепила многих наших людей, не у всех отцы и деды вернулись с фронта, оттого в разговорах была на первом месте. Мы — ребята, за своих солдат — стояли горой и готовы были порвать любого.

Наш парк славится прудами. Раньше ими занимались: чистили, в парке обрезали деревья, ремонтировали и красили ограду. Что мне известно о парке. Под него были использованы неудобные для земледелия площади, а еще он образовался благодаря небезызвестному лесному Сучьему болоту. Оно — это самое болото, раньше пугало посадских людей. И не зря. Туда порой не от одного хозяина убегали собаки — суки и спаривались с волками. Домой они уже не возвращались. Та смесь или тот помёт, который после получался, был очень умным, в

тяжелые голодные времена он не раз спасал «серое племя» от вымирания. Люди на ночь старательно запирали на засов свои дома, сараи, калитки, в остальном надеялись на высокие заборы. Любая с их стороны оплошность могла обернуться гибелью скотины. Страдала не только живность, но и одинокие, возвращавшиеся с заработков ремесленные люди. Не одного человека они загрызли на пустынной дороге. Однажды, — было это ночью, зимой, — к нам в окно кто-то громко постучал. Отец открыл двери, и мы ужаснулись. На пороге стоял полураздетый обмороженный человек. Он сжег почти всю свою одежду, начав с портянок. За ним неотступно следовал волк. О, как тот мужчина благодарил тогда моего отца: — «Задрал бы, нечего, и говорить, я не в один дом пытался достучаться и все напрасно, лишь вы одни меня пожалели и впустили, а значит, спасли от не минуемой гибели!».

Зимы раньше были не те, что сейчас — очень лютыми и снежными. Во двор не выйти. Наверное, поэтому нам — детям, в дом родители заносили поганое ведро и ставили у двери. Скок с печи, сделал дело и наверх на горячие камни. Жарко: на каменке кружка с водой, попил и засопел в две дырочки. А утром — порой нужно было откапываться, снега наметало о-го-го сколько. Это не то, что сейчас: нужно ждать да ждать, хоть бы до января выпал.

То, что творилось весной и представить трудно? От таяния снегов Сучье болото переполнялось водой, и она широкой рекой устремлялась по Большой улице. Человеку, подойдя к окну, невозможно было заглянуть в окно дома напротив. Уж очень была улица широка.

Из-за боязни подтопления усадеб, знающие люди догадались и предложили вырыть на пути движения вешних вод — пруды. Это позволило снизить риск хозяйственных потерь.

Часть вод из Сучьего болота, обогнув Большую улицу, устремлялась на Сибировку, захватывая отдельные огороды, затем, пройдя по ложбине между домов, уходила через Щуров лог в Старечку. Из года в год наши участки земли затоплялись. Мы до конца мая, а то и до первых чисел июня не могли отсеесться, ожидая схода весенних вод. Не зря же однажды отец для того, чтобы поправить положение своими руками, лопатой выкопал небольшое озерцо. Соседи, у которых по весне стояла вода — тоже последовали его примеру. Ох и было для нас ребят раздолье: мы часто в этих копанках ловили корзинами вьюнов, карасей и других мелких рыб. Правда, всевозможные искусственные «резервуары» для талых вод не всегда решали проблему. Нам жителям Щурово часто приходилось пользоваться резиновыми сапогами. Это уже после, когда в селе были понастроены водонапорные башни да к тому же и зимы отчего-то неожиданно стали малоснежными необходимость в водоемах отпала.

В конце мая занятия в школах заканчивались, и к нашей большой ораве детей прибавлялась орава, приезжавшая на летние каникулы из различных городов, в большинстве своем из столицы. Негласно посад Щурово можно считать побратимом Москвы. Из нее некогда родимой давным-давно убежали раскольники, наши прапрадеды, спасая жизни и свою веру. Вначале они заплонили Вильно, а уж затем часть из них, найдя пригодное для проживания местечко, перебралась на земли между Куршеновичами и Хвойниками. Не один десяток лет, образовавшееся поселение существовало нелегально и лишь после регистрации гетманом в 1703 году под официальное заселение, оно стало быстро разрастаться, достигнув размеров небольшого городка.

Однажды «копаясь» в Интернете, я нашел своего однофамильца, учившегося в городе Вильно в духовной семинарии и с отличием ее закончившим. Возможно, это был и не однофамилец, а один из моих дальних родственников. Мог же он попросту не поехать за братьями, — остаться в Литве?

Я был дружелюбен и водился со многими из ребят, приезжавших на каникулы из городов. Мне, как старшему приходилось заботиться не только о своих братьях: Александре, Федоре и сестре Анне, но и о Любе — дочери тетки Иры, родной сестры отца. Она вместе с мужем привозила ее из лета в лето на отдых. Правда, я ее часто спихивал на сестру. Они были почти одного возраста. На нашем краю Сибировки мне попался на глаза мальчик. Звали его Вадим.

мом. Он отдыхал у бабы Мани. Одно лето у бабы Петихи провела внучка Таня. Она засматривалась на меня. Я мог бы перечислять и еще других детей — гостей Щурово, но в этом нет необходимости. Понятное дело сидеть в городе жаркими днями просто невыносимо. Не зря даже у царя было свое Царское село, куда он выезжал на лето со всей семьей.

Из всех времен года мне больше нравилось лето, наверное, оттого что я родился в июле. А еще лишь только летом мы ребята и могли в полной мере насладиться чувством свободы. Например, от занятий в школе и от жесткой опеки учителей, от глаз взрослых на улицах, а в доме от родителей, так как большую часть времени проводили на природе, и наконец, от неудобной одежды и обуви. Осень, зиму, весну она сковывала наше тело, руки и ноги. Вырвавшись из стен учебного заведения, мы, мальчики бегали по улицам босыми, в одних трусах, иногда приодев майки, а девочки в накиннутых на голое тело хлопчатобумажных платьях, перекоренных и перешитых иголкой из старой материнской одежды, а не купленных в магазинах. Это было вызвано послевоенной нищетой. Не могли похвастаться нарядами и, приехавшие на отдых дети из городов, хотя они несколько и отличались от нас. Правда, недолго. Через неделю другую эти городские дети сбрасывали с себя обтягивающие тело одеяния, с ног стряхивали сандалии, и вот уже их загорелых и обветренных невозможно было отличить от нас. Их бабушки и дедушки говорили: «Нечего трепать обмундирование. Чай оно денег стоит».

Наш отец трудился по найму: — он пас людских коров — это значит не совхозных. На летние каникулы из-за трудностей с подпасками, — найти желающих было не так легко, — родителю чтобы управиться с большим стадом приходилось привлекать на помощь нас — своих детей. Оттого, мы днями пропадали в лугах, а еще вместе с коровами отправлялись через лес на водопой на речку, где с удовольствием проводили время: купались и ловили рыбу.

Однажды, это было где-то в начале июня, я торопился отнести отцу обед, а заодно подменить брата Александра. Мне нужно было успеть, сделать это за время дойки коров, расположившихся в Щуровом Логе недалеко от Деменки. Находясь в ожидании, когда мать готовится котомку, я нетерпеливо выглядывал в окно. У дома я заметил нарядную женщину: та вся такая расфуфыренная, в нерешительности ходила туда и обратно. Не удержавшись, я тут же сообщил о ней родительнице. Она, между делом, выглянув, вскрикнула:

– Ах ты, зараза, сто лет не было, надо же примчалась. Ну, я тебе сейчас покажу, будешь меня знать, — и, сунув мне узелок с обедом в руки, торопливо выскочила из дома на улицу.

В послевоенное время мужчин не хватало. Женщинам той поры жилось туго, несколько легче и интереснее — замужним. Они из-за боязни потерять своих супругов готовы были за них бороться, чуть ли не идти в бой. Наверное, оттого мне была понятна озабоченность родительницы: не так давно она успешно отбила атаку бывшей жены отца. Та приезжала в Щурово вместе с дочкой Тоней из тех мест Украины, где воинская часть отца, победоносно пройдя с боями до Праги, возвратившись на родину, остановилась во Львове для усмирения недобитых бандеровцев. Женщина пыталась вернуть в лоно семьи потерянного мужа, отобрать не чужого дядьку, — моего отца. Я не мог и не имел права быть безучастным.

У меня и сейчас стоят в ушах слова матери: «Сеня, не бойся, на-а-а, держи хворостину, подойди к девочке да отлупи ее как следует. А еще при этом прикрикни: забирай свою мамку и уезжай туда, откуда приехала! Уезжай! Это, мой папка, мой, а не твой. Не отдам».

Я тогда взял хворостину, и даже замахнулся ею на девочку, но ударить, отчего-то не посмел. Она, — я увидел, — испугалась моего детского взгляда. Этого было достаточно. Я победил.

Прошли годы, я помню все, что тогда происходило, правда, уже смутно. Одно мне известно: девочка не раз приходила к нам, но однажды, схватив свою родительницу за руку, потащила ее за калитку, вон со двора: — «Пошли мам, пошли, не надо! Я довольна. Я увидела своего отца».

Они уехали, и мать облегченно вздохнула. Моя родительница никогда не сдавалась, она сумела отбить нападение и этой бывшей подруги отца — красивой женщины Зины.

Отец, узнав о своей Зазнобе от людей, вечером, когда пригнал стадо коров в село с пастбища, долго топтался в нерешительности вокруг и около, затем не удержался и, подойдя к матери, задал ей вопрос:

— Она приехала с мужем?

— Кто, она? — будто не понимая о ком, идет речь, спросила родительница. Ей очень хотелось все, что стряслось днем, утаить от отца.

— Зина, — услышал я.

— Ах, Зина. Одна! Откуда у нее возьмется муж? А вот детей — притащила целых три девки. Мал, мала меньше. Хочешь, беги за ней. Да-а-а, что еще, — мать сделала паузу, — поторопись, а то не застанешь.

— Ну, уж нет, я не дурак, — буркнул себе под нос отец и, со словами: — Ничего себе? Целых три... Целых три девки, — тут же от матери отстал.

Этой реакции отца для родительницы было достаточно и вскоре, наша семья через год стала больше: у меня и Александра неожиданно появился еще один брат, а затем и сестра.

От ребят я узнал, что тетя Зина лишь только, заслышав крик моей матери, чтобы не попасться ей на глаза тут же, схватив чемодан с вещами, рванула огородами на аэродром, благо он находился недалеко от нашей улицы, за больницей. Женщина исчезла, забыв даже о своих малолетних девочках: Гале, Люде и Свете. Они были ей оставлены на попечение матери — бабы Гаши, нашей соседки. Долгое время дети играли возле дома. Но, однажды, я остановился и заговорил с девочками, затем познакомил их со своим братом Александром. Мы ходили в кино, а еще бегали на речку. Галя таскала с собой на детскую купальню мольберт, она рисовала пейзажи: тихо бегущую воду и склонившиеся ниц плакучие ивы. У нее неплохо получалось. Возможно, она в будущем стала художником. Я не знаю.

Девочки тогда все лето провели в Щурово. Галя и Света после не приезжали. Не знаю отчего. А вот одна из них — Люда — она мне даже чем-то нравилась, я на нее засматривался, — бывала у нас в селе не раз. Однако ее отчего-то на летние каникулы привозила уже не мать — красавица Зина, а бездетная тетя Ира и дядя, неизвестно откуда прицепившийся чванливый поляк. Девочка нравилась не только мне, но и моему брату Александру. Не зря же он после кино часто гулял с нею под ручку в нашем парке, в тени аллея.

Мы — ребята, девочек не сторонились: часто время проводили все вместе. Правда, бывали моменты, когда отгораживались от них из-за того, что играли исключительно в мальчишеские игры, для них не всегда приличные, а порой даже и опасные. Не хотелось нам перед ними краснеть от стыда или же в случае ушибов и травм: горючих слез тогда не оберешься — отвечать перед их родителями.

Однажды, играя в салки, мы придумали для себя новую игру. Для нее ребята делились на две равные команды. Затем команды как оглашенные бегали друг за другом. Нужно было завалить соперника на землю, забраться сверху и четко сосчитать до пяти. Проигравший мальчик выходил из игры. Победу одерживала та команда, в которой оставался хотя бы один человек, избежавший поражения. Я часто бывал на высоте и вырочал нашу команду.

Вначале игры все было хорошо. Но, это до тех пор, пока в ней не участвовали девочки. Я не помню, кто предложил померяться силами. Одно известно это была одна из девочек. У меня не было желаний, но уговорили, и я согласился, надеялся, что мы выиграем, но не тут-то было. Завалив — соседку Надю и, прижав ее, я вдруг весь задрожал. Быстро подхватился и отошел, пытаюсь успокоиться. Но эта самая Надя, на которой я только что сидел, неожиданно толкнула меня сзади, затем, когда я упал, мгновенно забралась сверху, и, сосчитав, пронзительно закричала: — Я победила, я победила. — А я лежал на земле и даже не пытался ее сбросить. Мне было отчего-то приятно и в тоже время немного страшно. Через мгновенье Надя это почув-

ствовала, быстро подхватила и со словами: «Дурак, дурак», дурак, — убежала домой. А я для себя понял, что просто так играть с девочками мне уже нельзя. Мои детские отношения, в любой момент, могли перерасти во взрослые.

Моя мать не запрещала мне, моим братьям и сестре играть и общаться с ребятами из разных семей, даже с внучками бабы Гаши, хотя она их всю породу долгое время и недолюбливала. Это было связано не только с бывшей невестой отца — красавицей Зиной. Моя мать ей ничем не уступала. Родительницу попросту нервировало отношение этой семьи к ней, так как она для них была «из села», то есть женщиной другой веры, хотя после замужества и прошла соответствующий обряд крещения. Иначе бы в Щурово нашей семье не жить.

Что мне известно? Бабу Гашу моя родительница часто за глаза называла ведьмой не иначе и ждала от нее лишь только пакостей, ничего более. Оно и понятно тут ничего не поделаешь.

— Это все она зараза ворожит, отбирает у нашей коровы кормилицы молоко, — не раз говорила мать отцу. А еще, я слышал: — «Ты подумай, хорошенько подумай, отчего это вдруг ее Красуля ни с того ни сего прибавила, а моя Эмка, сегодня всего лишь одно ведро дала, а вчера аж полных три, а? — Отец лишь только бурчал невнятно в ответ: — Отчего-отчего? Оттого, что гуляла, да не погуляла. — Но, его слова, мать не слышала, не принимала.

Дружбы у моей матери не было и с другими некоторыми из соседей. Однако с тетей Катей — матерью девочки Нади, из-за которой я однажды неловко почувствовал себя во время игры, моя родительница часто стояла у колодца, как бы сейчас сказали: «точила лясы», возможно, это было связано с тем, что та не выпячивала свое «москальское нутро». Не знаю, к какой это стати моя родительница, вдруг покачав в раздумье головой, сказала мне: — Сеня — я все понимаю — это твое дело и ни чье другое. Ты даже можешь на Наде жениться. Однако твоя донецкая тетка Ира будет тобой очень недовольна.

Девочки быстро растут, да и взрослеют тоже. Мальчики несколько от них отстают. Им не помогают ни раскуренная на глазах у детворы сигарета, ни стакан выпитой залпом на спор водки. Я ощутил себя высоким и взрослым только после службы в армии и это, наверное, понятно. Обучаясь в старших классах, я с одним из своих товарищей ходил на танцы, правда, ни он не умел танцевать, ни я, мы лишь только толклись возле танцплощадки да смотрели на своих девчонок кружащихся под музыку оркестра, а еще по окончании этого мероприятия провожали их домой. Ту же — Надю и ее подруг. Шли вслед за ними до дома толпой.

Мой товарищ сообщил мне, что Надя моя зазноба, я, конечно, возмутился, и он тогда спросил прямо: — Тебя от нее трясет? То есть знобит! Скажи всего лишь одно слово: да или нет!

— Ну, да! — ответил я.

— Значит — Зазноба. И не спорь со мной! Я, знаю! Мне старший брат о том говорил. У него есть девушка. Он демобилизовался, три года отслужил танкистом, собирается жениться и врать не будет. — Я тогда с другом согласился, правда, не открыто, в душе, и, наверное, по этой причине стал время от времени заглядываться на Надю. А как-то, забравшись на чердак, я долго наблюдал за девушкой сверху, как она таяпкой полола гряды, и любовался ее формами.

Однажды из-за этой Нади у меня возник даже конфликт: взрослый парень с Криуши, другими словами, кривой улицы, отслуживший в армии, случайно или же для того, чтобы меня попросту запугать, увидев, что я пытаюсь приблизиться к девушке, неожиданно заорал:

— Куда лезешь, а ну отстань от Нади. Тут и своих ребят хватает. Я сегодня с ней пойду, — затем, он сделал паузу, и для остротки двинул меня кулаком в челюсть.

Я не удержался и упал на землю. Ребята, знавшие меня, тут же схватили парня за руки, дав мне время подняться. Мой товарищ, подпрыгнув у него перед носом петухом громко закричал:

— Да ты что делаешь, он же свой! С Сибировки! Что, нельзя было все решить по-хорошему?

– А–а–а? — Вон оно что! — ответил мой соперник: — Пусть так! Но тогда отчего я его не знаю? Он, что? Сопляк, наверное. Никак за собой портфель таскает.

Да, я таскал портфель и оттого не котировался. А еще, я не умел танцевать, делать девочкам комплементы, целоваться и многое другое, но провожать меня в армию отчего-то пришла эта самая Надя. Она пела какую-то прощальную солдатскую песню. Я пытался ее запомнить, вначале слова, затем мотив, однако впоследствии все напрочь позабыл. В памяти у меня остался лишь тот инцидент: похода на танцплощадку. Девушка тогда сказала парню, положившему на нее глаз: — Я, на танцы в Дом культуры пришла с подругами, вот с ними и уйду. — Я проследил, прячась за деревьями, шел за ними по парку. Наконец девушка, расставшись с подругами, осталась одна, пройдя метров сто, она оказалась у своего дома. На скамейке ее ждал парень, тот, который двинул меня по челюсти кулаком. Не знаю, как он сумел так быстро оказаться у дома Нади. Едва девушка приблизилась, он встал, подошел к ней и, обхватив ее всю, страстно поцеловал. Та даже не оттолкнула его. Это меня вывело из себя. Я разозлился, сжав кулаки, неторопливо вышел из темноты и прошелся, демонстративно развернувшись у них на глазах, отправился восвояси — домой. Меня всего переполняли чувства. Я был зол на всех, а особенно на себя. А зря. Мир оттого ничуть не перевернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.